

Вступление

Это мое послание тебе.

Мой враг.

Мой друг.

Ты наверняка уже все понял.

Ты проиграл.

Глава 1

Второй катаклизм начался во время моей одиннадцатой жизни, в 1996 году. Я умирал, погружаясь в теплый морфиевый туман. Так же безжалостно, как если бы по моей спине провели кубиком льда, она выдернула меня из этого блаженного состояния.

Ей было семь лет, мне — семьдесят восемь. У нее были прямые светлые волосы, стянутые в длинный конский хвост. Моя шевелюра, точнее, то, что от нее осталось, — седая, как снег. Я был одет в классический больничный халат, изобретенный, по всей видимости, для того, чтобы приучать человека к смирению. Она — в ярко-голубую школьную форму, белые гольфы и фетровую шапочку. Усевшись на край кровати, она, болтая ногами, заглянула мне в глаза. Потом посмотрела на кардиомонитор. Увидев, что я отключил сигнал тревоги, пощупала мой пульс и сказала:

— Я вас чуть не потеряла, доктор Огаст.

Она произнесла эти слова на берлинском диалекте немецкого, однако при желании могла бы обратиться ко мне на любом языке мира, как на родном. Затем принялась чесать левое колено, там, где стягивала мокрая резинка — на улице шел дождь. Не отрываясь от этого занятия, она заявила:

— Мне нужно отправить сообщение в прошлое. Вы скоро умрете. Я прошу вас ретранслировать это сообщение членам клуба, живущим в те времена, когда вы сами были ребенком, — по той же схеме, по какой оно было передано мне. — Я попытался заговорить, но не смог произнести ни звука. — Миру приходит конец, — продолжала она. — Это послание было доставлено мне через жизни многих поколений таких, как мы. Мир гибнет, и мы не можем этому помешать. Передайте это, а дальше поступайте как знаете.

Я обнаружил, что могу членораздельно говорить только на тайском языке, но и на нем в состоянии был произнести только одно слово — «почему?».

Нет, торопливо добавил я мысленно, не почему мир гибнет — почему это сообщение имеет значение?

Она улыбнулась, поняв мой так и не произнесенный вслух вопрос, наклонилась и прошептала мне на ухо:

— Мир рушится, потому что рано или поздно это должно случиться. Но дело в том, что этот процесс ускользается.

Это было начало конца.

Глава 2

Начнем с начала.

Клуб, катаклизм, моя одиннадцатая жизнь и мои отнюдь не мирные и не благодные смерти в последующих жизнях — все это не имеет никакого значения, если не понимаешь, с чего все началось.

Меня зовут Гарри Огаст.

Мой отец — Рори Эдмонд Халн, мать — Элизабет Ледмилл, но я узнал об этом лишь уже в моей третьей жизни.

Не знаю, правильно ли будет сказать, что мой отец изнасиловал мою мать. Если бы это дело рассматривал суд, он столкнулся бы с серьезными затруднениями, ре-

шая вопрос о том, имел ли в данном случае место состав преступления. Любой более или менее умный человек мог бы склонить присяжных как в ту, так и другую сторону. Мне стало известно, что моя мать не кричала, не сопротивлялась и даже не сказала моему отцу «нет», когда он набросился на нее в кухне в ту ночь, когда я был зачат. Последующие двадцать пять минут, на протяжении которых он выплескивал наружу свой гнев и ревность, стали его мстью неверной жене, которую он осуществил за счет ни в чем не повинной девушки, прислуживавшей на кухне. Если смотреть на случившееся формально, моя мать не подвергалась насилию. Однако если учесть, что она, будучи двадцатилетней девушкой, работала в доме моего отца, а ее будущее целиком и полностью зависело от выплачиваемого ей жалованья, нетрудно понять, что моя мать просто не имела возможности сопротивляться — обстоятельства, в которых все произошло, были подобны приставленному к ее горлу ножу.

К тому времени, когда беременность моей матери стала заметна окружающим, отец вернулся на военную службу во Францию, где и пробыл до конца Первой мировой войны в качестве ничем не выделяющегося майора шотландского гвардейского полка. Умение ничем не выделяться на войне, в которой за один день нередко гибли целые дивизии, было весьма завидным качеством. Так или иначе, выгнать мою мать из дома без рекомендации осенью 1918 года пришлось моей бабке по отцовской линии, Констанс Халн. Человек, которому было предначертано судьбой стать моим приемным отцом и который был для меня родителем в куда большей степени, чем тот, кто меня зачал, посадил мою мать в тележку, запряженную пони, и отвез на местный рынок. Там он снабдил ее несколькими шиллингами и посоветовал обратиться за помощью к другим обездоленным женщинам, а их в округе было немало. Кузен по имени Аллистер, на самом деле приходившийся моей матери седьмой водой на киселе, к счастью, был достаточно богат.

Он взял ее на работу на свою фабрику по производству бумаги, находившуюся в Эдинбурге. Однако живот рос, а сил у матери оставалось все меньше, и в какой-то момент, когда стало ясно, что она не в состоянии справиться со своими обязанностями, на ее место взяли другую девушку. В отчаянии мать написала моему родному отцу, но письмо было перехвачено и уничтожено моей бдительной бабкой. В результате в канун нового, 1919 года, истратив последние гроши, мать купила билет на поезд, идущий из Эдинбурга в Ньюкасл. В дороге у нее начались роды.

Свидетелями моего появления на свет в женском туалете на станции Берика-на-Твиде были профсоюзный активист Дуглас Крэннич и его жена Пруденс. Впоследствии мне рассказали, что начальник станции, заложив руки за спину, стоял, сурово насупившись, в шапке, покрытой снегом, перед дверью туалета, не пуская туда ничего не подозревавших женщин. Время было позднее, день праздничный, так что никого из врачей в местной больнице не оказалось. Медик появился только через три часа, но было поздно. К этому времени кровь на полу уже загустела и запеклась. Моя мать была мертва. Пруденс Крэннич держала меня на руках. О смерти матери я знаю только со слов Дугласа. Как я понял, она просто истекла кровью. Ее похоронили на местном кладбище под могильной плитой с надписью: «Лиза, умерла 1 января 1919 года. Да упокоится ее душа с миром». Только когда могильщик спросил, как звали усопшую, миссис Крэннич вспомнила, что даже не успела спросить у моей матери ее фамилию.

Далее последовало обсуждение вопроса, как быть с внезапно осиротевшим малышом, то есть со мной. Полагаю, миссис Крэннич испытывала сильное желание оставить меня у себя, но финансовое положение ее семьи не позволяло ей этого сделать. Кроме того, этому помешало то, что мистер Крэннич предпочел в данном случае следовать букве закона. У малыша есть отец,

воскликнул он, и у него как у отца есть права на ребенка. Впрочем, это заявление было бы начисто лишено практического смысла, если бы у матери не было с собой адреса человека, которому вскоре предстояло стать моим приемным отцом, — Патрика Огаста. Вероятно, мать сохранила его в надежде, что Патрик поможет ей встретиться с моим биологическим отцом, Рори Халном. Были наведены справки по поводу того, является ли Патрик Огаст моим родителем. Это вызвало в округе большой переполох, поскольку тот уже давно был женат на Харриет, женщине, которая в итоге стала моей приемной матерью, и детей у супругов не было. Их бездетный брак в захолустном местечке, где табу на использование презервативов продолжало существовать даже в начале 70-х годов XX века, всегда был темой весьма оживленных дискуссий. Теперь же шум поднялся такой, что в скором времени он достиг ушей обитателей усадьбы Халн-Холл, где в то время проживали моя бабка Констанс, две мои тетки — Виктория и Александра, моя кузина Клемент и Лидия, несчастная жена моего отца. Как я полагаю, моя бабка сразу же догадалась, чей я сын и каковы были обстоятельства моего появления на свет, но не захотела взять на себя заботы обо мне. Это сделала Александра, более молодая из моих теток, которая проявила больше благоразумия и сострадания ко мне, чем все мои остальные родственники вместе взятые. Поняв, что если будет установлено имя моей покойной матери, жители округа сразу же поймут, чей я сын, она сделала Патрику и Харриет Огаст предложение. Суть его сводилась к следующему: если они согласятся усыновить и воспитать меня, она, Александра, позаботится о том, чтобы Патрик и Харриет ежемесячно получали сумму, которая с лихвой покрывает все их расходы, связанные с появлением в их семье ребенка. Кроме того, она пообещала, что, когда я вырасту, обеспечит мне вполне приличное безбедное будущее. Сделку следовало зафиксировать подписанием соот-

ветствующих бумаг — как со стороны супругов Огаст, так и со стороны семьи Халн.

Патрик и Харриет, посоветовавшись некоторое время, согласились. Они воспитали меня как своего сына, и только после того, как началась моя вторая жизнь, я начал понимать, кто я и откуда.

Глава 3

Говорят, что те, чья жизнь идет по кругу, проходят три стадии — неприятия, исследования и примирения.

Разумеется, это очень широкие понятия, за которыми может скрываться множество нюансов. Неприятие, например, может подразумевать множество стереотипных реакций — таких как истерики, отчаяние, сумасшествие и даже самоубийство. Я, как и почти все калачакра, в своих ранних жизнях испытал на себе почти все эти разновидности восприятия своей сущности, и воспоминания о них все еще таятся где-то внутри меня, словно вирус, живущий в организме даже после того, как вызванное им заболевание полностью прошло.

Переход к стадии примирения оказался для меня трудным, но в целом прошел без серьезных осложнений.

Первая прожитая мной жизнь была самой обыкновенной. Как и подавляющее большинство молодых людей, я был призван в армию и принял участие во Второй мировой войне, где мне выпала роль совершенно неприемного пехотинца. Мой вклад в победу над врагом оказался мизерным, да и в моем послевоенном существовании не было ничего выдающегося. Вернувшись в Халн-Холл, я занялся тем же, чем занимался мой приемный отец — фермерским трудом. Как и Патрик Огаст, я любил землю. Мне нравился ее запах после дождя, нравилось видеть, как из семян проклевываются первые всходы. Пожалуй, мне не хватало только брата — подобное

чувство испытывают многие дети, не имеющие ни братьев, ни сестер.

Когда Патрик умер, я стал хозяином принадлежавшей ему фермы. Однако к этому времени богатству и процветанию Халнов пришел конец — они были слишком расточительны и в то же время нерасторопны в ведении дел. В 1964 году поместье, а вместе с ним и мою ферму приобрел «Нэшнл траст». В результате остаток жизни я провел, показывая разным людям тропинки, по которым можно было пройти через местные торфяные болота, и наблюдая за тем, как стены усадьбы все глубже врастают во влажную черную грязь.

Я умер в одной из больниц Ньюкасла в 1989 году — том самом, когда рухнула Берлинская стена. Причиной моей смерти стала миелома, разновидность рака крови. Я был совершенно одинок — разведенный бездетный старик, живущий на государственное пенсионное пособие. До самого смертного часа я пребывал в уверенности, что являюсь сыном давно ушедших из жизни Патрика и Харриет Огаст.

Естественно, что после того, как я родился снова там же и тогда же, что и в первый раз, — на вокзале станции Берика-на-Твиде в первый день 1919 года, мой мозг, в котором хранилась память об уже прожитой жизни, не выдержал. Начав понемногу осознавать происходящее, я сначала испытал смятение, затем мучительные сомнения, потом отчаяние, которое заставило меня кричать от ужаса. Я кричал и кричал, и когда мне исполнилось семь лет, меня отдали в заведение для душевнобольных под названием «Убежище Святой Марго для несчастных», где, как я искренне считал, мне было самое место. Через полгода моего пребывания там я выбросился из окна третьего этажа.

Позднее я понял, что три этажа — это высота, которая не может гарантировать быструю и относительно безболезненную смерть, и что я вполне мог переломать себе все кости, но при этом остаться в живых. К счастью, я приземлился на голову и все закончилось.

Глава 4

Очень интересно наблюдать за тем, как весной болото просыпается и возвращается к жизни. Жаль, что вы никогда этого не видели. Увы, во время наших с вами прогулок по загородной местности мы упустили те несколько часов, в течение которых можно было бы наблюдать этот любопытный процесс. Впрочем, и погода всякий раз не слишком к этому располагала. Она была либо дождливой, и тогда со свинцово-серого неба на землю лились струи холодной воды, либо засушливой — в этом случае почва превращалась в жесткие коричневые буераки, на которых большинство растений были просто не в состоянии выжить. А однажды, помнится, пошел снег, да такой сильный, что кухонную дверь совсем завалило снаружи и мне пришлось вылезать через окно и откапывать ее лопатой. В 1949 году дождь лил целых пять дней подряд. Мне очень жаль, что вы не видели болотистые пустоши после дождя, когда на них распускаются пурпурные и желтые цветы, а все вокруг пахнет мокрой землей.

Ваш вывод о том, что я родился в северной части Англии, — вы сделали его в самом начале нашей дружбы, был абсолютно верен. Мой приемный отец, Патрик Огаст, никогда не позволял мне об этом забыть. Всю свою жизнь он был фермером на территории поместья Халнов — как и его отец и дед. Эта история началась в 1834 году, когда разбогатевшие Халны купили землю и решили осуществить свою мечту о богатстве и присоединении к правящему классу. Они стали сажать деревья, прокладывать через пустоши дороги и возводить странные строения с башенками и арками. Разумеется, все это было глупо — к моменту моего рождения эти строения заросли мхом. Прежние, более энергичные и здравомыслящие поколения Халнов действовали иначе — они разводили овец, которые паслись на обширных, покрытых сочной травой пространствах, лишь кое-где ограничен-

ных каменными стенами. Однако XX век оказался к Халнам весьма жестоким. Их поместье пришло в упадок. Впрочем, мальчику, родители которого были постоянно заняты своими повседневными заботами, там было настоящее раздолье. Любопытно, однако, что, снова проживая свои детские годы, я был весьма осторожен и, исследуя окрестности, уже не лазал по скалам так беззаботно, как в своем первом детстве. Видимо, в моем мозгу подобные приключения уже были так или иначе связаны с опасностью, которой я, умудренный прежним опытом, старался избегать.

Покончив с собой в своей второй жизни, в третьей я решил найти ответы на кое-какие накопившиеся у меня вопросы. Полагаю, следует радоваться тому, что память по мере взросления возвращается к нам постепенно. Вероятно, по этой причине, когда в моем мозгу всплыли воспоминания о прыжке из окна, я воспринял их без всякого удивления и вполне хладнокровно. Я просто пришел к выводу, что, совершив самоубийство, не достиг ровным счетом ничего.

Мою первую жизнь, которая оказалась совершенно бесцельной, тем не менее можно считать в чем-то счастливой — если исходить из того, что незнание своей судьбы есть благо. Но мою новую жизнь я уже не мог прожить так же. Дело было не только в том, что мне заранее были известны события, которые должны были произойти. Скорее, проблема состояла в том, что я уже по-другому воспринимал окружающую меня действительность. Я видел ложь там, где раньше, в моей первой жизни, никак не мог ее заподозрить. Я понял, что мои приемные родители полюбили меня — мать гораздо раньше, чем отец. Понял я и другое — то, что для Патрика Огаста по-настоящему родным я стал только после того, как Харриет умерла.

Существует медицинское объяснение этого странного явления, но моя приемная мать никогда не умирала в один и тот же день. При этом причина ее смерти — если